

Фэн Жун и Баочжай прибыли в поместье хоу утром, а теперь на столицу опускались уже газовым пологом сумерки. Чэнхуа на обед унесли в ее комнаты, чтобы девочка отдохнула, а потом принесли снова, теплую и румяную со сна. С позволения Сяолин Фэн Жун с великой осторожностью взял девочку на руки и покачивал, улыбаясь ей. Чэнхуа была спокойным ребенком, потому лишь следила за случайными прядями волос держащего ее подрагивающими руками человека и иногда беззубо улыбалась, словно зная больше, чем полагается малому ребенку.

Пришла пора молодым людям оставить госпожу поместья хоу и ее дочь. Они, признаться, и так задержались слишком сильно — Фэн Жун не хотел расставаться и, пусть уже несколько раз порывался все же уйти, всегда находились еще темы, какие нужно было обсудить с сестрой. Наконец Сяолин сказала:

— Будет еще много возможностей поговорить. Необязательно нужен праздник, чтобы навестить меня.

— Если бы это было так, мы бы виделись каждый день, — угрюмо отозвался Фэн Жун, прижав к себе Чэнхуа чуть сильнее, словно не желая расставаться с ней. — Дела императорского двора занимают слишком много времени, бабушка говорит, что не следует ездить к тебе часто, чтобы не оскорбить хоу, да и он сам... — молодой господин покачал головой. — Вокруг слишком много всякого, что мешает нам видеться.

— В самом деле, — с улыбкой ответила Фэн Сяолин. Протянув руку, она поправила расшитый воротничок Чэнхуа. — Это потому, что мы давно не дети.

Фэн Жун поджал губы и не ответил. Конечно, ему не хотелось по-настоящему возвращаться в детство, к неизвестности и беспомощности, но свобода, что была у него тогда, манила. Некоторые вещи были плохи — но некоторые прекрасны настолько, что сердце сладко щемило от воспоминаний.

Видя неудовольствие на лице брата, Фэн Сяолин добавила:

— А теперь мы будем видеться еще реже из-за подготовки к свадьбе...

— О чем ты говоришь! — тут же воскликнул Фэн Жун и лицо его заалело. — О таком речи пока не идет, и вообще!.. Говорить так о Ее Высочестве!..

— Не я на нее имею дерзкие планы, не мне и стыдиться, — игриво отозвалась девушка и молодой господин подавился воздухом.

— Дерзкие!.. — но пусть с этим словом Фэн Жун не был согласен, он бы соврал сказав, что никогда не представлял тепло губ Фу Айминь и нежность ее пальцев. По отношению к принцессе даже эти мысли считались достаточно грязными, потому мог ли Фэн Жун спорить?..

Он глубоко задумался над этим, не услышав даже, как со двора раздались шаги и приглушенные голоса. Лицо Фэн Сяолин на краткий миг наполнилось беспокойством и она окинула собственные покои быстрым взглядом. Баочжай играла со служанками чуть поодаль, на теплом кане, кормилицы ожидали у дверей, Фэн Жун с суровым выражением покачивал Чэнхуа. В покоях был легкий беспорядок, не все вещи лежали на своих местах, но было это более уютным зрелищем, чем отталкивающим. Единственным, в чем можно было сейчас упрекнуть Фэн Сяолин было то, что она сидела слишком близко к Фэн Жуну, почти прижимаясь к нему плечом: но молодой господин все же был ее родным братом, и каждый знал об их близости — это не должно было оскорбить или расстроить Пань Таня.

Потому, когда двери покоев открылись и на пороге появилась внушительная фигура генерала, Фэн Сяолин встретила его нежным, расслабленным выражением. Глаза Пань Таня были темны, словно зимняя ночь, и никогда в них нельзя было рассмотреть истинного выражения, но губы хоу сложились в улыбку. Лицо его — если бы не глаза, — было добрым и располагающим.

— Госпожа, хозяин вернулся! — радостно сообщили служанки, вошедшие вместе с генералом.

— Отчего вы считаете, что у меня нет глаз и я не замечу собственного мужа? — с улыбкой подначила Фэн Сяолин служанок и приказала: — Закройте двери, не нужно пускать холодный воздух.

Девушки тут же подчинились, поглядывая, однако, на фигуру хоу сияющими взглядами. Пань Тань же глядел только на жену. Фэн Сяолин поднялась и, приблизившись, взяла супруга за руки.

— Добро пожаловать домой, — с улыбкой сказала она. — Как прошла служба?

— Едва ли мы занимались ей сегодня, — мягко улыбнулся генерал и ласково поцеловал Фэн Сяолин в щеку. Бочжай, скулы которой потеплели от подобного зрелища, торопливо отвела глаза, а Фэн Жун построил кислое выражение. Чего не видят глаза, то не тревожит сердце: потому он предпочел глядеть только на Чэнхуа. Пань Тань продолжал: — Целый день этот муж поздравлял генералов и служащих в лагере, даже бумаги мне принесли только после легкого выговора. Люди еще празднуют, их можно понять.

— Но и к работе следует относиться серьезно, — с капризными нотами в голосе отозвалась Фэн Сяолин, словно в самом деле переживала, что воины ее мужа недостаточно усердны. Девушка деловито оправила ворот одежд хоу, когда его взгляд переместился ей за спину.

— У тебя все еще гости? — со снисходительной улыбкой спросил он.

— Ах, мы с братом заболтались и совсем не следили за временем, — ответила Фэн Сяолин и оба они посмотрели на Фэн Жуна. Тот нехотя поздоровался.

— Приветствую генерала. Дела в вашем лагере идут гладко?

— Молодой господин очень любезен, — осклабился Пань Тань. — Спасибо, все благополучно.

Фэн Жун испытал разочарование и едва удержался от того, чтобы не фыркнуть. Этой ночью человек, вульгарно облизывающий его сестру сейчас, запугивал друзей молодого господина — как он мог относиться к нему без пренебрежения? И пусть некоторым людям в самом деле не помешала бы доля запугивания, Фэн Жун не мог простить такого человеку вроде Пань Таня. Он был отвратителен.

Тем временем генерал, словно не ощущая от молодого господина убийственной ауры, приблизился к нему и присел рядом с лавкой на корточки, взглянув на дочь. Чэнхуа не понимала пока ни любви, ни ненависти, потому знакомому лицу заулыбалась, словно было в самом деле за что любить этого человека. Фэн Жун невольно ощутил, как сердце его разрывается от предательства племянницы.

Пань Тань улыбнулся ей в ответ:

— Как прошел день нашей барышни? Она была послушной?

— Чэнхуа целый день провела с нами, — сказала Фэн Сяолин и, приблизившись, села на свое место рядом с Фэн Жуном. Теперь со стороны казалось, что все три человека между собою крайне близки. — Знаешь ведь, как Жун-эр ее любит.

— В самом деле, — ответил Пань Тань и неожиданно вскинул взгляд на молодого господина. — Как прошло празднование в поместье Фэн?

— Не было шумных праздников, подобно вашему дому, — отозвался Фэн Жун. после мгновения недоумения. В голосе его и ответе чувствовалось нежелание говорить, но генерал все же спросил снова:

— А как поживает Первая принцесса?

Фэн Жун молчал, глядя в глаза напротив. Голос его был холоден.

— Не имею чести знать.

— Жун-эр, вам пора возвращаться, — мягко вступила в разговор Фэн Сяолин. Она понимала, что после всего случившегося отношения между ее братом и супругом натянуты, словно тетива — и достаточно малейшего доказательства того, что молодой господин связан с делами Пятого принца и господина Ли, чтобы случился выстрел.

Фэн Жун кивнул и в голос его вернулось капризное высокомерие:

— Если генерал закончил допрос, то я хотел бы подняться.

Пань Тань улыбнулся и встал, отступив на шаг. Последний раз поцеловал Чэнхуа в круглые щеки и отдав ее кормилице, Фэн Жун крепко обнял сестру: на самом деле делать это, еще и при ее муже, было довольно рискованно, но молодой господин упрямо стиснул объятия, показывая Пань Таню, что в любой момент готов броситься за защиту дорогих себе людей. Под пальцами его расшитые одежды Фэн Сяолин казались особенно грубыми, а волосы ее пахли чужим домом.

Наконец Фэн Жун и Баочжай распрощались с сестрой и покинули ее покои. Цзяннаньский хоу вызвался проводить их до ворот: вряд ли кто-то мог бы ему это запретить. Хозяева шли впереди, когда как люди генерала незаметно оттеснили слуг от Баочжай и Фэн Жуна. Фэнцзи, что от взгляда генерала пряталась за другими девушками, чувствовала беспокойство в душе.

Когда процессия, бывшая напряженно-молчаливой, проходила крытый переход, Пань Тань вдруг остановился. Фэн Жуну пришлось встать рядом с ним, а Баочжай замерла на несколько шагов поодаль. Генерал взглянул на покрытый льдом пруд, подбирающийся под деревянные опоры галереи, и сказал:

— Славно, что снег перестал идти. Виды без него открываются чарующие.

— Да, — сухо отозвался Фэн Жун, глядя пустым взглядом на сад поместья. Пусть пруд этот и деревья вокруг него в самом деле были хороши и ухожены, даже холодной зимой выглядя чарующе, молодой господин видел в них лишь голые ветки. Ничего в поместье хоу не могло порадовать его душу.

— Погода вчерашним вечером не мешала прогулке молодого господина? — спросил Пань Тань и Фэн Жун посмотрел на него. Генерал глядел не отрываясь, с легкой улыбкой на гротескно красивом лице. В теплом свете фонарей выражение его казалось зловещим.

Фэн Жун не желал мериться с ним остроумием. Сейчас дела обстояли так, что Цзяннаньский хоу не был уверен в том, насколько молодой господин повязан с господином Ли. Генерал мог догадываться, что это Пятый принц ограбил павильон Цветения, и что они с Ли Инчуном помешали расследованию убийства работника благовонной лавки — что же до роли во всем этом Фэн Жуна... Он старательно изображал из себя капризного, недалекого, пусть и праведного молодого господина, который слышит что-то большее, чем пустой звук в словах «правда» и «добродетель», и верит в своей необъятной наивности, что желаемого можно достичь мирным путем. Пань Тань предполагал, что Фэн Жун понятия не имеет о том, что творится в его поместье и служит двум гадким людям расшитой ширмой, за которой можно спрятать свои грехи — но так ли это было на самом деле?

Сейчас Фэн Жун вздохнул и сложил на груди руки.

— Генерал, вы что-то хотите спросить? Говорите прямо. День был долгим и Баочжай устала, мне нужно отвезти ее домой.

Баочжай за спинами мужчин побледнела и взмолилась в своей душе, чтобы ее не вмешивали в эти странные, пугающие игры. Руки ее в самом деле продрогли от ночного холода, но спина покрылась холодным потом от смутного осознания, что творится нечто непонятное. Невольно Баочжай бросила взгляд на начало и конец галереи: с одной стороны выход загораживали слуги генерала и с другой тоже виднелись люди. Если бы что-то случилось, едва ли Баочжай смогла бы вернуться к Сяолин, чтобы попросить ее помощи.

— Мне интересно услышать о том, как молодому господину нравится гостеприимство моего поместья, — с непринужденной улыбкой ответил Пань Тань. — Вас приняли сегодня как дорогого гостя, ни разу не обидели и не пренебрегли вашим положением, — мужчина посмотрел на Фэн Жуна. — Вы считаете, что ведете себя в ответ достойно?

— Я не понимаю, о чем генерал говорит, — не меняя выражения лица ответил молодой господин. Душа его пребывала в недоумении и легкой растерянности: Фэн Жун не думал, что Цзяннаньский хоу примется выговаривать ему здесь. Пусть легко можно было заметить напряженность между ними, юноша отчего-то думал, что она никогда не обратится в слова.

Пань Таня совсем не смутил такой ответ. Он извечно выглядел дружелюбным и открытым — едва ли его могло смутить хоть что-то. Фэн Жуна это раздражало.

— О ваших знакомствах, — сказал генерал небрежно. — Молодой господин должен знать, что некоторые люди не несут пользы, а несут лишь вред.

— Мои друзья не ваша забота, — отозвался Фэн Жун, нахмурившись. Пань Тань улыбнулся шире:

— Вам не стоит испытывать судьбу вновь, раз уж удалось избежать смерти.

— О чем вы говорите? — тут же возмутился молодой господин. Едва ли он мог своим видом, даже стараясь изо всех сил, напугать хоу: скорее нелепой казалась его гордая поза на фоне величественной фигуры Пань Таня. Он был выше, шире в плечах, и одной рукой бы наверняка смог сломать Фэн Жуну шею — но молодой господин совсем об этом не задумывался. Возмущенный до глубины души чужими словами, он сказал: — Генералу нужно уже запомнить, что тут не ваши войска, и нелепые шутки никого не рассмешат. Пусть вы заимели некоторое уважение от недалеких вельмож, в столице есть законы, которые каждому нужно соблюдать! Кем вы себя возомнили, что вытворяете такое?

— Вытворяю что? — прищурившись, спросил Пань Тань. Фэн Жун говорил, конечно же, о случившемся этой ночью: пусть для него праздник прошел в атмосфере радости и благодати, сердце молодого господина ныло от мысли, что кто-то решился напасть на экипаж Первой принцессы. Могла пострадать она или ее слуги, и даже теперь, в лучшей из возможных окончаний этой истории, погибла невинная девушка, а Пятый принц оказался ранен и осужден своим отцом — как Фэн Жун мог не винить человека перед собой во всем случившемся?

Однако и сказать в лицо Пань Таню молодой господин этого не мог — это означало бы признаться, что Фэн Жун за одно с господином Ли и Пятым принцем и знает об их планах. Юноша не боялся хоу, но в этом поместье все еще жили Сяолин и Чэнхуа, которых Фэн Жун не хотел подвергать малейшей опасности.

Он раздраженно оправил рукава:

— Сражения смутили ваш разум? Только что вы говорили о моей смерти, а теперь делаете вид, словно ничего сказано не было?!

Пань Тань усмехнулся, на миг опустил взгляд, а после подошел на шаг ближе к упрямо замершему на месте с непримиримым выражением лица Фэн Жуну. Молодой господин подумал, что генерал одного роста с Яо Хуэем, но если от слуги принцессы, пусть он тоже нависал иногда неосознанно над господами в толпе, чувствовалось удовлетворение и спокойствие, в тени хоу словно само собой с губ начинало срываться морозное дыхание. В полутьме галереи Пань Тань казался подавляющим.

— Молодой господин, не нужно давать мне поводов в вас сомневаться, — с улыбкой сказал хоу.
— Этот генерал и так был к вам весьма снисходителен.

Без страха глядя в черные глаза напротив — пусть для этого и приходилось, чуть поступаясь достоинством, задрать голову, — Фэн Жун, чеканя слова, ответил:

— Я не понимаю, о чем вы говорите.

— Вы ведь не так глупы.

— Не глупее того, кто решился угрожать подданным Императора, — тут же ответил юноша. На лице Пань Таня появилась почти искренняя ухмылка.

— О? Молодой господин думает, что его громкая фамилия в самом деле имеет для меня какое-то значение?

Фэн Жун фыркнул в ответ:

— Этот господин не будет удивлен, если генерал не станет с ней считаться. Генералу не ведома ни толщина земли, ни высота неба. Пусть ты добился некоторых достижений, это не стоит даже упоминания по сравнению с благом, которое принесли стране мои предки. Потому даже думать не смей, — молодой господин подступил на шаг, без капли страха глядя хоу прямо в глаза. — Что, получив милость сестры, ты стал равным мне, и имеешь право высказывать свое недовольство.

Улыбка Пань Таня не дрогнула, но глаза стали совсем уж непроглядными. От мрака в них невольно кругом шла голова, но Фэн Жун не отрывал взгляда, готовый сразиться хоть с тьмой, хоть со светом, если бы это означало поставить на место генерала. Хоу сказал:

— Паршивый мальчишка...

Молодой господин громко втянул носом воздух, исполненный желания начать спорить. Ему было плевать на то, что Пань Тань шире его в плечах, что выше и что спор происходит в его поместье, где никто не пришел бы Фэн Жуну на помощь — изнеженный жизнью наследника своей громкой фамилии, молодой господин никогда не представлял в самом деле, что с ним может случиться что-то плохое, но и был достаточно высокомерен, чтобы любую опасность для себя презреть.

Однако внезапно со стороны раздался тихий всхлип. Оба мужчины удивленно повернулись в ту сторону: в нескольких шагах от них, зажав руками рот, стояла Баочжай. Служанок оттеснили от нее, потому барышня стояла совсем одна на ночном холодном ветру, хрупкая, изящная, словно молодой побег вишни, и столь же беззащитная. Щеки ее от холода покраснели, плечи были опасливо сжаты, а чистые глаза налились словно стылой утренней росой влагой. Баочжай переводила взгляд с брата на генерала, а, заметив, что они смотрят на нее, несмело сказала:

— Н-не стоит спорить здесь, тем более мы одна семья, — если ранее девушка держалась, то теперь явственно в ее слабом голосе слышались слезы. Баочжай посмотрела на Пань Таня и вид ее стал еще несчастнее. — Генерал, если брат чем-то вас расстроил, то это лишь из-за заботы о старшей сестре. Простите его, пожалуйста...

Глядя на наивное, но искреннее выражение юной девушки оба мужчины почувствовали себя негодяями. Баочжай была еще слишком юна, чтобы понимать причины их вражды и подозрений относительно друг друга, она видела лишь, как они спорят, используя фразы все более грубые. Кто знает, какие образы возникли в душе от этого спора у впечатлительной юной барышни? Одна в чужом поместье, без возможности уйти или защититься — неудивительно, что она испугалась.

Фэн Жун, что в особенности не мог выносить чужих слез, тут же отступил от генерала и неловко сказал сестре:

— О чем ты переживаешь? Все в порядке, мы просто поспорили...

Пань Тань отступил тоже. Он был военным и, пусть профессия эта подразумевала пренебрежение нормами морали, на публике более всего хоу любил строить из себя праведного человека. Генерал оправил одежды и в чертах его красивого лица появилась вина.

— Этот генерал должен извиниться перед барышней. Я... слишком разгорячился.

По знаку Фэн Жуна служанки Баочжай подбежали к ней и принялись успокаивать, а люди хоу переглянулись между собой — всем теперь казалось, что они незаслуженно обижают барышню.

— Все в порядке, в порядке, — говорила Баочжай, дрожащими бледными пальцами утирая влажные от слез щеки. От плача лицо ее заалело, глаза заблестели, а ресницы стали особенно яркими: девушка была словно воплощением печали со старых полотен. Она была не так хороша, как Сяолин, но обладала собственным очарованием. Подняв глаза на Фэн Жуна, она тихо попросила: — Мы можем отправиться домой?

Молодой господин тут же без промедления ответил:

— Конечно, — и направился к выходу из галереи. Пань Тань лишь мгновение стоял на его пути,

а после отступил, позволив господам из поместья Фэн уйти. Когда мимо него проходила Баочжай, генерал с виноватой улыбкой на прощание кивнул ей и, спешно повторив его жест, девушка проскользнула мимо. На Фэн Жуна Пань Тань смотрел куда суровее, однако во взгляде его все одно царила неуверенность. О некоторых людях судить в самом деле было слишком сложно.

Молодой господин и Баочжай в тишине добрались до экипажа и забрались в него. Все это время девушка молчала и лишь когда повозка покинула ворота поместья позволила себе боязливо оглянуться. На лице ее больше не было ни расстройства, ни слез, да и глаза не казались несчастными...

Фэн Жун мгновение наблюдал за Баочжай, а после удивленно воскликнул:

— Ты его обманула!

— Генерала? — удивилась девушка ровным голосом. Как и ожидалось, в нем не было ни хрипоты, ни слабости прошедшего испуга. — Эта госпожа не смеет. Я в самом деле была испугана и подумала, что по-другому генерал просто не отпустит нас...

— Умно! — рассмеялся Фэн Жун и потрепал Баочжай по плечу. Девушка от дружеского похлопывания пошатнулась, но ничего не сказала. Она многого не знала и не понимала, но чувствовала, когда ситуация выходит из-под контроля. Баочжай не была глупа или злопамятна, к тому же сейчас человек старшего брата знал один ее постыдный секрет. Ей в самом деле не сложно было немного схитрить ради будущего хорошего к себе отношения.

Маленький театр:

Братец Шэнь: ...а своих персонажей шипперить можно?

Фэн Жун: Нет!!

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/17230/1748876>